

Безмолвная ничья

Автор:

[Анастасия Шерр](#)

Безмолвная ничья

Анастасия Шерр

Она появилась из ниоткуда, в один миг изменив всю его скучную и пресыщенную жизнь. Он никому не принадлежит. Она ничья. Так было до их встречи... Сможет ли убийца пройти мимо умирающей на снегу девушки? В оформлении обложки использовано изображение «Temptiting couple». Автор: conrado. Источник «Shutterstock». Содержит нецензурную брань.

Анастасия Шерр

Безмолвная ничья

Пролог

Снег мягкими пушистыми хлопьями опускался наземь и приятно поскрипывал под ногами. Яркие витрины магазинов и ресторанов светились от светодиодных лампочек и искусственных ёлок. Но девушка не замечала этого праздника жизни.

Щёки горели от мороза и побоев, а длинные грязные волосы сбились в колтун. Медвежья шкура едва ли защищала от лютого холода. Босые ноги окоченели от холода и задеревенели. Ещё один шажочек... Запах собственной крови

неприятно ударяет в нос, но она уже привыкла. Сколько себя помнит, у неё всё время что-то разбито. Нос, губы, коленки. Старые раны покрыты коркой, а свежие ещё кровоточат.

Куда она идёт? И главное, зачем? Она не знает, где её дом и есть ли он вообще. Одно ей известно наверняка – она сбежала от страшного человека и больше он не будет её истязать. Но что теперь? Ищет ли её кто-нибудь? Или, может, страшный человек был единственным, кому она нужна? Даже если бы её посетила такая безумная мысль, как вернуться к нему, она не помнила откуда пришла сюда и где, собственно, сейчас находится – тоже не соображала.

– Эй, смотри куда прёшь, овца! – какой-то нетрезвый мужчина оттолкнул её от себя, когда она случайно попала ему на пути и двинулся дальше, даже не обратив внимание на то, что девушка упала на снег. Не в силах подняться, она просто расслабилась. Если закроет глаза – станет легче. И, возможно, она даже попадёт в Рай. Наверное, там очень тепло и хорошо. Там нет плохих людей и боли.

– Целуй ноги! Давай! – он пнул её ногой и ткнул носком ботинка в лицо. – Кому сказал, целуй!

Она прижимается сухими потрескавшимися губами к крокодильей коже.

– А теперь лижи, сука!

Языком проводит по ботинку, пытаюсь подавить тошноту, стремительно подступающую к горлу.

– Хорошая дворняжка! – он склоняется над ней и чешет за ушком, словно настоящую собаку. – Так и быть, сегодня погуляю с тобой, – у него замечательное настроение, что в последнее время случается очень редко. Сегодня ей повезло.

Бросает шкуру с прорезями для рук, которая перешла ей по наследству от прежней «собачки». Не вставая с колен, она с радостью натягивает "одеяние" на голое тело. В доме ей запрещено носить одежду, да и нет её у неё. А вот, когда

страшный человек в настроении, как сейчас, она может накинуть на себя этот мех и выйти на улицу. Разумеется, на поводке...

Мужчина широкими шагами выходит из дома, а за ним, сбивая коленки в кровь семенит на четвереньках она. Девушка даже не замечает, что ледяной снег обжигает кожу. Она счастлива! Ведь ей удаётся выйти из дома лишь раз в месяц, а может, в два...

– Быстрее ползи! – он натягивает поводок и тонкий ошейник врезается в шею.

Страшный человек останавливается и вглядывается куда-то вдаль. На горизонте появляется автомобиль, освещающая всё вокруг ярким светом фар.

– Кого там чёрт несёт?! Быстро в дом! – топает ногой, поторапливая «собачку», пока машина подъезжает к массивным воротам.

Она опускает голову и всё так же на четвереньках понуро возвращается в проклятую «конуру».

– Быстрее, сука! – он изо всей силы пинает её в бок и бедняжка скулит от адской боли. Она скручивается в клубочек прямо на снегу и жалобно всхлипывает.

– Чёртова мразь! Чтоб ты окочурилась, блядина грёбаная! – смачно потчует её отборной руганью и ещё раз пинает, на этот раз в другой бок. Хватает её за волосы и тащит к дому. Открывает дверь и ногами заталкивает её вовнутрь.

– Место, сука!

Ворота открываются и мужчина с радостной улыбкой и раскинутыми в стороны руками идёт встречать позднего гостя.

Она не бежит, как обычно, в свою каморку, а заинтересованно выглядывает из-за двери, которую страшный человек в спешке забыл закрыть на ключ.

В голову приходит сумасшедшая мысль, снова выбраться на улицу, но она ещё помнит свою предыдущую попытку сбежать. Тогда страшный человек подвесил её за руки высоко под потолком и она так проболталась несколько часов, пока

не потеряла сознание от боли.

На улице слышатся мужские голоса и, похоже, они отдаляются. Наверное, пошли в охотничий домик, что в сотне метров отсюда. В дом, где страшный человек живёт со своей «собачкой» никогда никто не входит. Он не позволяет. Опасается того, что её могут увидеть. А она и не спешит обратить на себя внимание. Зачастую, это заканчивается для неё очень плохо.

Дверь так и осталась приоткрытой, что очень странно. Это случилось впервые за всё время, что она здесь. Неужели и правда он забыл её закрыть на ключ? Или это проверка? Побежит она, или нет? Девушка колеблется и дрожит. Если он поймает её, то в этот раз точно лишит жизни. Но, если она не побежит, сколько ей осталось? Месяц, год, пять? Нет, пять она не выдержит. Пусть лучше убьёт.

Кто знает, может это сработал какой-то звериный инстинкт, или просто попытка самоубийства... Она встала на ноги, что ей категорически воспрещалось делать, и, распахнув дверь, побежала, что было сил. Правда, она заметно прихрамывала, но сейчас не ощущала ни боли в ноге, ни в боку, куда он только-что ей приложил своим дорогим ботинком. Где-то вдалеке мерцали огни города и она, гонимая страхом и желанием освободиться, мчалась навстречу этим огонькам.

Глава 1

Кирилл

Не спеша иду в направлении дома, минуя кабаки и прочую нечисть, что своей вонью пропитала ночную жизнь родного города. Да я, собственно, и сам не отношусь к интеллигенции...

Заворачиваю за угол старой трёхэтажки. Подальше от людей. Ненавижу человечество. Социопат? Да, однозначно. Впрочем, иногда хочется почесать об кого-нибудь свои кулаки, но на улице делать этого не люблю, не тот век. В конце-концов, мы ведь живём в цивилизованном обществе, как нам каждый день усердно вбивают в голову СМИ.

В темноте натыкаюсь на какого-то алкаша, но уже через мгновение понимаю, что это труп. Чёрт! А я ведь собирался ещё поужинать. Переступаю и иду дальше, но тело вдруг начинает стонать. Мне послышалось? Возвращаюсь, приседаю рядом. Твою мать... Молодая девчонка. Вся избитая и, кажется абсолютно голая под этой хренью, в которую она пытается укутаться. Нет, милая, так ты вряд ли согреешься.

Несколько секунд наблюдаю за замерзающей малышкой и как-то гадко становится. Нет, не от вида её распухшего, окровавленного лица, а от того, каким дерьмом мы стали. Это же какой мразью нужно быть, чтобы так отделать бабёнку да ещё и голую на мороз выкинуть. Попался бы мне этот гондон...

Укутываю мелкую в своё пальто, поднимаю её на руки и иду дальше. Не знаю зачем это делаю. Вроде как и не моя проблема, но жалко. Замёрзнет ведь. А могла бы кого-нибудь радовать своим стройным телом. Девчонка почти невесомая. Такое ощущение, что несую ребёнка.

– Ну? И что мне с тобой делать? – спрашиваю бессознательное тело, положив его на диван. – Молчишь? Вот и я не знаю...

Стаскиваю с неё пальто, что уже порядком перепачкалось в её крови, а затем и то, чем она была прикрыта. Это шкура что ли?

Откуда же ты свалилась на мою голову?

Девчонка грязная, в кровоподтёках и ссадинах, а на рёбрах гематомы размером с мою ладонь. Кто же тебя так мучил, малышка?

Странно, на бомжиху не похожа. Ногти аккуратно сострижены, а на шее какое-то украшение. Не то, чтобы я так близко общался с бездомными, но что-то мне подсказывает, что они не носят украшения, пусть даже бижутерию.

Взглядом задержался на начисто выбритом лобке. Аккуратная такая киска. Да и грудь ничего, твёрдая двоечка. Нет, ну а что? Всё таки я мужчина. Хотя, надо признать, видок у неё сейчас не тот, чтобы иметь.

Волосы чёрные то ли от грязи, то ли сами по себе... А вот с лицом беда. Никак не разглядеть из-за этих синяков и ссадин.

Отмыть бы тебя для начала и отогреть, а там посмотрим.

Спустя пару часов, я собрал в своём доме целый консилиум врачей, что в Омске пользуются хорошей репутацией и умеют держать язык за зубами. Конечно, можно было бы отправить девчонку в больничку и со спокойной совестью забыть об этом происшествии, но что-то мне подсказывает, что её ещё будет искать тот гандон, который так поизмывался над бедняжкой. Я бы не сказал, что во мне вдруг проснулась любовь к ближнему, но было бы глупо сначала спасти малышку, а потом отдать её в руки садиста. С таким успехом, было бы проще оставить её на снегу, быстрее отмучилась бы.

Интересно, кто этот мудозвон? Муж? Парень? Сутенёр? Чёрт его знает... Но искать беглянку в первую очередь будут в больницах, после чего, не исключено, что отправят в морг. Если, конечно, она сбежала. Вполне возможно, что девочку попользовали от души и выбросили на улицу за ненужностью.

Как бы там ни было, я ждал рассказа из первых уст.

Девочку полностью обследовали, обработали раны и растяжения и она пришла в себя. Но, честное слово, я сразу же об этом пожалел.

Малышка свалилась с моей кровати, на четвереньках отползла в угол и там, обняв свои коленки худыми ручонками, затаилась, словно маленький котёнок в окружении диких псов.

Один из светил медицины покрутил пальцем у виска. Абсолютно непрофессионально, мать его. Но мелкая действительно не в адеквате. Что, в принципе, вполне объяснимо.

Я медленно подошёл к ней, вытянул вперёд ладони, показывая тем самым, что не собираюсь её обижать. Но, судя по её попыткам слиться со стеной, малышка мне не верит. словно нож в груди провернули. Хочу поймать того грёбаного педика, что сделал это с ней и размазать его мозги по этой же стене.

– Не бойся меня, – шепчу, чтобы не напугать ещё сильнее своим басом. – Тебя больше никто не обидит. Я защищу тебя.

Зачем обещаю ей то, что, возможно, завтра уже не стану делать? Зачем даю малышке надежду? Не знаю. Просто хочу, чтобы она перестала так дрожать.

– Меня зовут Кирилл. Ты у меня дома, – наверное, это лишнее. – Но не бойся. Ты здесь в полной безопасности, – протягиваю руку для знакомства, но она не реагирует, всё так же с ужасом глядя на меня своими зелёными глазками.

Теперь, когда она отмыта от крови и грязи, можно с уверенностью сказать, что девочка – красотка. И что самое досадное, как раз в моём вкусе, во всех смыслах и ракурсах. Отмыть её волосы мне не удалось, поэтому большую часть пришлось отрезать, а ту паклю – выкинуть. Было очень жаль брюнеточку, но она сама этого даже не заметила. Да куда там.

Кивком головы указываю врачешкам на дверь, а они и рады. За те деньги, что поимели за час работы им бы ещё и «Лебединое озеро» станцевать на пуантах.

Она заметно расслабляется, когда мы остаёмся наедине, но паника в глазах всё ещё заметна.

Сажусь рядом с ней на пол, принимая непринуждённую позу, чтобы хоть как-то показать отсутствие злых намерений.

– Тебя как зовут?

Молчит.

– Хорошо, имя можешь не говорить. Тогда я буду называть тебя «котёнок», идёт?

И – о чудо! – она улыбнулась.

С радостью отмечаю, что зубы у малышки целые. Хоть тут её пронесло.

– Ты голодна? – дурацкий вопрос. – Поедим чего-нибудь?

Неуверенно кивает. Так, вроде приходит в себя.

– Я повар никудышный. Могу заказать пиццу, или что-нибудь более...

Я ещё не успел договорить, как её живот буквально зарычал от голода. Твою же мать, чего мне так паршиво?

Больше ни о чём её не спрашиваю, просто заказываю еду. Много, без разбора. Но потом вспоминаю, что вроде как нельзя изголодавшегося человека слишком перекармливать. Ладно. Разберёмся. Надо бы её приодеть.

Подхожу к шкафу и достаю свою футболку. Судя по тому, что она мне по грудь, футболка будет ей вместо платья.

– Вот, надень это, – удивляюсь, что девочка почти не стесняется своей наготы, хотя большая часть её тела скрыта от моих глаз за тугими повязками.

Робко принимает футболку и быстро, не вставая, натягивает на себя. Только сейчас малышка замечает, что волосы стали намного короче и, оттянув прядь, удивлённо её рассматривает.

– Извини, котёнок, мне пришлось, – протягиваю к ней руку и глажу по припухшей щеке. Она немного дёргается, но потом замирает, напряжённо наблюдая за моими движениями.

– Ты сможешь дойти на кухни? – почему-то хочется подхватить её на руки и больше не отпускать.

Кивает.

Я разворачиваюсь и направляюсь к пункту назначения, но что-то меня настораживает. Странный звук. Как будто...

– Блядь! – не выдерживаю и отпускаю матерное словечко, при чём громче, чем хотелось бы. Она не идёт за мной, а ползёт на четвереньках.

– Ты чего это, котёнок? – удивлённо пялюсь на неё. Она поднимает голову и испуганно взирает на меня своими блестящими изумрудами.

– Эй, ты что творишь? Ты же не животное!

Странно, врачи ведь обследовали её позвоночник. Или... В который раз останавливаюсь взглядом на странном украшении, что на её тоненькой шее. Этот значок... Страшные догадки взрывают мозг.

Это не значок. Это маленький карабин!

Блядь... Как хочется искупаться в его крови.

Она поглощает пищу, не прожёвывая, проглатывая куски мяса, как животное, жадно и быстро. А я хочу её остановить, погладить по голове и сказать, чтобы не торопилась, что никто не лишит её больше еды. Но не могу. Совесть, мать её, не позволяет. Складывается такое впечатление, что её не кормили несколько дней, а может, и недель.

Наливаю ей яблочный сок и ставлю стакан рядом. Она искоса наблюдает за моими движениями, как будто опасаясь, что я что-нибудь сделаю с ней, пока она ест.

Сажусь напротив неё и принимаюсь за ужин. Смотрю на её изувеченное личико и отмечаю, что несмотря на все синяки и припухлости, она всё равно симпатяжка.

На шее остался синяк от грёбанного ошейника, который мне пришлось разрезать ножом, так как, застёжка заржавела, а мне хотелось побыстрее освободить её от этого дерьма. Она дрожала, но не шелохнулась, пока я избавлял её от «аксессуара». А когда ошейник полетел в камин, мелкая впервые за время нашего знакомства засмеялась. Беззвучно, но радостно.

Её острые плечики подрагивали в такт, а груди под футболкой колыхались, от чего в моих штанах стало тесно. И я обязательно взял бы её, будь она моей гостьей, а не спасённой из плена маньяка, потерянной жертвой. Я бы разложил её прямо на столе и вдалбливался в неё, пока она не взмолилась бы о пощаде.

Одно радовало. Врач, осмотревший её гениталии, выдал мне, что девочку никто не насиловал и, более того, она ещё невинна.

Как будто камень с души свалился. Теперь я вообще не понимаю ублюдка. Он просто избивал её, мучил, калечил, но до самого сокровенного не добрался? Вряд ли он отказался от идеи трахнуть её потому, что она не захотела. Вывод – он не мог, по тем или иным причинам.

Импотент? В таком случае, это объясняет его садистскую жалость к себе. Ебучий кастрат отрывается на маленькой девчушке за свою неполноценность. Не по-мужски, не по-человечески, но понятно.

Или же, второй вариант... Девочка не такая уж и безвинная ляля. Что-то натворила, за что и отхватила сполна. Но опять же, поведение этого мудака, как и в предыдущем случае непростительно. Ни один, уважающий себя мужик не позволит себе поднять руку на бабёнку. Пощёчина? Ладно. Но не так же...

И что самое хреновое, она не хочет говорить. Никак не идёт на контакт. Боится.

Кажется, наелась. Сонно хлопает своими пушистыми ресничками, но встать из-за стола не решается.

Бедная моя малышка. Моя? Хм. Это очень интересная мысль, учитывая, что я вообще по жизни одиночка. Не люблю людей. Просто на дух не выношу, поэтому и выбрал себе такую... Профессию.

Но я охренеть как верю в судьбу. Потому, что эта сука не раз меня бросала о скалы, а потом приводила в чувство, чтобы снова ударить в тот самый момент, когда я этого не жду. Но я ни разу не встал на колени. Не потому, что горд, а потому, что упрям. Я буду идти до конца. Всегда. А если упаду, буду ползти. Когда и ползти не смогу, буду цепляться зубами, жрать землю, но дойду до своего грёбанного конца.

И вот, эта самая судьба свела меня с мелкой. Не просто так же абсолютно новая тачка сломалась и мне пришлось идти пешком. Я должен был найти этого брошенного, никому ненужного котёнка. Зачем? Не знаю. Но в одном я уверен точно – она нуждается во мне. И, возможно, наступит тот час, когда эта малышка протянет мне свою руку, которая вытащит меня из всего этого дерьма.

Наливаю бокал вина и протягиваю его малышке. Она непонимающе смотрит на меня, но бокал принимает. Нюхает содержимое и снова поднимает на меня взгляд.

- Пей.

Она снова нюхает и смешно морщит свой аккуратный носик.

- Не любишь вино? – удивляюсь. Раньше не видел женщину, чтобы так воротила нос от коллекционного напитка.

Пожимает плечами.

- Что это значит? Не знаешь любишь ли ты вино? – в который раз силюсь разговорить её, но она опять-таки молчит, словно воды в рот набрала.

- Может, ты уже наконец скажешь хоть что-нибудь? Хотя бы слово, чтобы я понял, что ты не немая, – начинаю терять терпение, но стараюсь не показывать этого, не хочется снова отдирать её от стены. Нет, я бы, конечно, отодрал... Только в другом смысле. Чёрт. Это моё личное. Мой недостаток, как всегда считала Вика. Слишком быстро завожусь, слишком долго не могу успокоиться. Разумеется, это я не о характере. Как бы там ни было, это только моя проблема. Девчонка здесь не причём.

Надо бы ей бельё и нормальную одежду купить, а то, как представляю, что сейчас под моей футболкой на ней больше ничего нет... В общем, ей бы справиться с тем, что уже пережила, не до моего вечного стояка. А жаль. Очень. Малышка просто прелесть.

- Выпей, тебе нужно расслабиться, – в моих планах нет накачать её, а потом овладеть бессознательным телом. Просто хочу разговорить малышку. Мне нужно знать, кто и зачем это сделал с ней. Не знаю почему. Просто нужно.

Она несмело делает глоток и снова расплывается в нежной улыбке. Понравилось. Ради такой улыбки многие мужики бросили бы весь мир к её ногам. Какая же мразь могла поднять руку на такое совершенство?

– Поговори со мной, котёнок, – сажусь на стул рядом с ней и замечаю, как она инстинктивно пытается отодвинуться.

Эта долбанная тишина уже серьёзно бьёт по моей нервной системе. А меня не так-то легко вывести из себя.

– Скажи хоть слово! – я уже настаиваю.

Хочу услышать её голос. Уверен, он прекрасен, как и сама девочка.

Смотрит в пол и ни звука.

– Ну же? – требую.

Она поднимает на меня взгляд. Сейчас заговорит.

Прикасается кончиками пальцев к своим губам и с тяжким вздохом отрицательно мотает головой.

– Что это значит? – снова зарождается нехорошее предчувствие.

Глухонемая? Исключено. Она прекрасно меня слышит, не глядя на мои губы, а по-другому не смогла бы, будь это так. Или...

Не помня себя от слепой ярости, хватаю своими ручищами её личико и притягиваю к своему.

– Открой рот!

Она испуганно дёргается в моих руках, но мне сейчас не до нежностей.

– Открой рот, сказал тебе!

И она послушно размыкает свои губы.

Облегчённо вздыхаю и улыбаюсь, словно идиот. Язык на месте.

Но тогда, почему она не может говорить?

- Ты мой котёнок-несчастье.

Опять это дурацкое слово. Она не может быть моей. Слишком хороша для меня.

- С ней всё в порядке, Кирилл. Она сама не хочет говорить, - Лаптев поправил очки и вытащил гортанное зеркало изо рта девочки.

- Как это не хочет? - спросил я скорее у неё, чем у врача.

Конечно, Игорь мог и ошибаться. В конце-концов, он не ларинголог. Да, он может мастерски заштопать раненого бойца в полевых условиях, вытащить пулю голыми руками, но вряд ли Лаптев лечил какому-нибудь убийце голосовые связки. И тем не менее, я ему верил. Были причины.

- Думаю, тут либо качественный подзатыльник нужен, либо хороший психиатр, - Игорь снял перчатки и небрежно закинул их в свой чемоданчик. В этом весь Лаптев. По его мнению, любого человека можно склонить к чему угодно с помощью кулака. Не зря имеет дело с мне подобными. Да я, в принципе, и сам так считаю, но это не тот случай.

- Так... И что же мне с тобой делать? - я присел рядом с ней и с радостью отметил про себя, что малышка уже не так меня боится, как вчера. Хороший сон пошёл ей на пользу и она чувствует себя намного лучше. Но её полное безмолвие сводит меня с ума.

Смотрит на меня своими зелёными глазками. Хочу прижать её к себе, накрыть своими губами эти вечно торчащие соски и... Чёрт возьми, я опять не о том думаю. Да у тебя недотрах, Кирюша. Это нужно срочно исправить, иначе, наброшусь на мелкую, как коршун. Не хватало ей ещё и меня в качестве насильника.

- А ты раньше разговаривала?

Кивает.

– Как давно?

Молчит.

– Но ты ведь всё понимаешь, что я говорю?

Снова кивок.

– Давай я дам тебе ручку и бумагу, а ты будешь записывать ответы, это существенно облегчит нам общение, – дождавшись её одобрения, нахожу ручку и блокнот, протягиваю малышке.

– Почему ты не хочешь говорить?

Медленно выводит буквы, слегка склонив голову на бок.

«Страшный человек запретил!».

Страшный человек? Оригинально. Как же я сразу не догадался всучить ей в руки ручку?

– Кто такой этот «страшный человек»?

«Я не знаю его имени».

– Ладно, так мы ничего не выясним. Садись поудобнее, – закидываю ее ноги на диван, отчего она немного шарахается, но быстро приходит в себя. – И пиши всё. От начала и до конца. Кто ты, откуда, как зовут, как попала к этому муда... Человеку. Всё. Раз уж ты у меня в гостях, я должен знать всё.

Котёнок кивает и, глубоко вздохнув, начинает писать. С одной стороны, до безумия интересно. С другой – надеюсь, что она упустит те моменты, где он её мучает. Я сам иногда не прочь поизмываться над каким-нибудь подонком, вроде сутенёра или барыги, но девочки – это святое. Женщины дарят нам жизнь,

ласку, тепло. Я не понимаю, чем руководствуются подобные уроды. Обижать девушку крайне позорно.

За свои тридцать шесть лет отроду я отправил на тот свет немало народу. И точно знаю, что в аду меня ожидают с оркестром. Но женщин и детей я не трогал никогда, это выше моих желаний и возможностей.

Пока малышка пишет, я успеваю сделать ей чай, себе кофе. Она благодарно улыбается и принимает кружку. Делает глоток, ставит чашку на журнальный столик и снова хватается за ручку. А я лишь наблюдаю. Мне нравится смотреть на неё, а она, похоже, вовсе не смущается. Хотя и побаивается. Что ж... У неё нет причин доверять людям.

Я читаю её «повесть» и с трудом верю своим глазам. Почему-то вдруг захотелось ослепнуть. Оказывается, мелкую зовут Кристина Иванова и она детдомовская. Это имя ей не идет... Не похожа она на Кристину. Что уже говорить о «редкой» фамилии, явно выдуманной недалекой нянечкой детдома, которой было впадлу поднапрячь мозги. Про себя делаю пометку, что надо дать ей другое имя.

Во-первых, ей нужно сделать новые документы, соответственно и имя должно быть другим, хотя бы до тех пор, как я найду и накажу этого мудозвона, во-вторых... Да просто я так хочу. Я чувствую, что она начинает доверять мне, а это еще один повод сделать ее своей. Эгоист? Да. И не стесняюсь этого. Что плохого в том, что я ищу выгоду в содеянном мной (одном из немногих, между прочим) добром деле. И ей хорошо, не попадет вновь в руки этого пидора и мне... Замечательно. Я уже в том возрасте, когда хочется чего-то своего, домашнего, теплого и надежного. Тем более, что скоро отхожу от дел... Что тут скажешь, «чистильщики» рано выходят на пенсию и чаще всего не по своей воле. А поэтому, главное в этом деле вовремя слинять.

Искать себе женщину не в моих правилах. Я не сторонник ухаживаний и прочей хрени, романтик во мне умер в страшной агонии еще много лет назад.

До недавнего времени была Вика. Но с ней все как-то слишком сложно. Не то, чтобы для меня было не в новинку находить истерзанных девчат на улице, но Виктория была еще загадочнее. А я не люблю слишком много времени и раздумий уделять амурным отношениям. Не мое. Сначала ей не нравилось, что я

не дарю цветы, потом ей пришлось не по душе, что не зову замуж.

«Милая, мы познакомились с тобой в баре, в туалете которого ты уже через пять минут делала мне минет... Какая свадьба?» – это были последние слова, которые я озвучил для Вики. Она ушла, напоследок громко хлопнув дверью и, буду честен, я не расстроился.

А вот Котенок... Она другая. Совершенная в моем понимании. Как чистый лист бумаги, на котором ты можешь изобразить все, чего душе угодно. И она не станет этому противиться, что радует вдвойне. Принуждать девушку к отношениям – не мой конек. Но конкретно с этой малышкой я их очень хочу. Хотя, возможно, это от того, что она физически полностью соответствует моим вкусам, а у меня уже пару недель не доходят руки до какой-нибудь шлюшки, чтобы отодрать ее как следует и на несколько дней забыть о спермотоксикозе.

Итак... Я узнал даже больше, чем хотелось бы. Кристина родилась в Омске, где еще в роддоме от нее отказалась мать и девочку сдали в приют. Там она жила до пятнадцати лет и уже была уверена, что никто ее не удочерит. Приемные родители сейчас большая редкость, учитывая кризис в стране и грязь, в которой мы живем.

Но в один «прекрасный» день, думаю, Котенок прокляла его... Пришел он. «Страшный человек», как называет его малышка. Судя по почерку, ее передергивало, когда писала это так называемое имя.

Этот урод выглядел очень солидно и добродушно. Пожилой мужчина лет пятидесяти сразу же обратил свой взгляд на худышку, что по привычке зажималась в уголке, не ожидая никаких подарков от судьбы. Он лишь молча указал пальцем на девочку, словно выбирал себе домашнего питомца в зоомагазине. Как оказалось позже, так оно и было.

После того, как наше великое государство вручило малышку в лапищи морального урода, для нее на земле начался ад. Этот мужик (хотя какой нахуй он мужик) объявил испуганному ребенку, что она его собственность теперь и зовут ее «сука». Когда девочка осмелилась перечить, он наглядно ей объяснил, сначала избив ее до полусмерти, а затем посадив на цепь.

А вот и ответ на мой вопрос... Несколько раз он пытался залезть на малышку, но слава Богу у него не встал. Удивляет то, что Котенок даже не понимает, что это он делал с ней... Блять... Она даже не знает, что такое секс.

«Страшный человек ложился на меня и облизывал своим языком, а потом начинал злиться и избивать меня, после чего уходил, заперев меня в каморке на два дня», – мелкая до сих пор не догадывается за что этот мудозвон так поступал с ней. Зато мне все предельно ясно. Мои догадки оказались верными. Безмудое чмо отчаянно пыталось засунуть своего болтунца в малолетку, но, потерпев крах, принялся отрываться на ней. По словам Котенка, она была не первой, о чем более, чем красноречиво говорили царапины от ногтей на стене той самой каморки, что служила «питомцам» конурой и кое-какие вещи, что иногда встречались в его доме.

Неоднократно малышка пыталась сбежать. И каждый раз жестоко за это расплачивалась кровью, в прямом смысле этого слова. Когда у девочки начинались месячные он запирает ее в кладовке до тех пор, пока менструация не прекращалась. Видимо, не мог наблюдать за тем, как у молодого организма все безотказно работает, в отличии от его неспособного обрубка. Котенок называла это «кровь без раны»... Твою же мать... Даже об этом она не в курсе! Скорее всего, регулы начались уже после того, как он ее забрал.

Некоторые «сцены» я намеренно упустил, быстро пробегая их глазами, ибо представлять это даже для меня, убийцы, очень сложно. Но чертовы слова, которые предпочту больше не видеть и не слышать в своей жизни никогда, больно впивались в глаза, а затем стремительно проникали в мозг, «радуя» его яркими картинками, где престарелый кастрат пытается ни в чем не повинную девочку.

По последним подсчетам Кристины, она провела в его доме три года, но вести учет времени она перестала давно, потому как «страшный человек» делал ей какие-то уколы и она спала по нескольку дней, так ей казалось по крайней мере. Плюс к этому, у нее образовались провалы в памяти. Как бы ни было, она запуталась и потеряла счет времени. Даже если сильно приглядеться, то на вид ей не больше двадцати. Совсем девочка.

* * *

Пытаюсь открыть глаза, но веки словно налиты свинцом. Голова гудит так, как будто я ею вчера поезда останавливал. Так, кажется, я уснул, сидя в кресле. Блять... И ведь не пью же! С чего вдруг так сорвался? Ответ на мой немой вопрос лежит на полу у моих ног, свернувшись калачиком. Все в той же футболке, что на ее худеньком тельце выглядит, как платье.

Осторожно, преодолевая боль в том месте, где когда-то был мозг, наклоняюсь к ней. Маленькая спит, словно настоящий котёнок. Маленький пушистый комочек. Пытаюсь вспомнить, как вообще добрался до дома и не обидел ли её... Заглянув в лицо мелкой, чувствую, что земля уходит из-под ног. Она улыбается во сне и смешно морщит свой носик. Внезапно захотелось зацеловать её. Да уж, представляю картину, где она бедняжка задыхается от моего перегара.

Какого же хрена ты на полу опять? Надо отучить её от этой поганой привычки.

Встаю на ноги и, убедившись, что конечности ещё в состоянии функционировать как у живого человека, поднимаю малышку на руки. Даже с похмелья она не доставляет мне проблем своим весом.

Во сне как-то неестественно выворачивается и утыкается носом мне в шею, как будто ищет, где спрятаться. Хочется уложить её в свою постель и больше не выпускать оттуда. В ещё пьяную голову врываются яркие образы... Она стонет и извивается подо мной... Тут же член восстаёт и готовится порвать джинсы. Твою мать! Я же вчера оторвался с Кариной... Или Алиной... Не важно. Похоже, моё мужское начало требует ту, что сейчас находится в моих руках. Внутри разливается что-то тёплое, подавляя похмельный синдром и тошноту.

Такое ощущение, что с приходом в мою жизнь Котёнка я стал другим человеком. Вот так взял и поменял все свои устои за два дня. И, что самое дерьмовое в этой ситуации, мне совершенно не нравится эта херня. Я никогда не срываюсь. Я всегда держу себя в узде. Ничего не хочу и всем всегда доволен. Моя жизнь скучна и однообразна, но для киллера государственного масштаба – это счастье. Никакой шумихи, ни единого привода или заинтересованности со стороны спецслужб, хотя чего там, они тоже часто пользуются моими услугами.

И вот, я взял и собственными руками принёс в свой дом эту маленькую беду. Но поздно причитать и заламывать руки по утраченному спокойствию. Теперь она мой котёнок и больше ни одна мразь не назовёт её собакой. Я уже знаю, что

порву любого, кто хотя бы подумает о ней плохо.

Кладу мелкую на свою кровать. Хочу посмотреть, как это выглядит... Ей идёт быть моей. Вдыхаю. Снова эти непонятные собственнические мысли. За все годы своей жизни я никогда так сильно не хотел никого, как её. Пока могу объяснить это только тем, что я охотник по профессии и по натуре, а она жертва. Хреновое, скажу прямо, сравнение, но уж как есть.

Стаскиваю с себя несвежую одежду и ложусь рядом с ней. Надеюсь, она не сильно испугается, когда проснётся, но сейчас я не могу и не хочу оставлять её одну. Слишком сильно хочу ощущать тепло своего Котёнка.

Во сне она что-то бормочет и утыкается лицом мне в ребра. Так, значит, может говорить всё-таки! Подтягиваю её выше и кладу себе на грудь. Котёнок улыбается и засыпает крепче с этим чудесным выражением симпатичной мордашки, что так ей идёт. Не видел более красивой улыбки никогда. Закрываю глаза. Сейчас даже секса не хочу. Просто лежать вот так и держать в объятиях свою девочку.

Просыпаюсь уже после обеда и замечаю, что мелкая так и не пошевелилась во время сна. Всё так же сладко посапывает на моей груди, положив свою тоненькую ручку мне на живот. По телу проходит дрожь, словно у прыщавого юнца, который только начал понимать зачем ему член. Чувствую, что стояк сейчас никак не унять и если не выберусь из кровати, то непременно насажу её на свой жаждущий ласки конец и тогда уже Котёнка ничто не спасёт. Есть у меня одна хреновая черта... Я вынослив и не привередлив, что касается практически всего. Кроме секса. Если начну, то остановиться не смогу точно.

Аккуратно перекидываю мелкую на подушку и тихо поднимаюсь с постели. Надо бы в душ. Успокоиться и выкинуть из головы её красивую попку, что зазывающе выглядывает из-под моей футболки.

Простоял под холодными струями около получаса и понемногу пришёл в себя. Надо бы хоть сегодня собраться и вытащить мелкую за покупками. А то в такой одежде она напрашивается на грех.

Выхожу из душевой кабины и тяну руку за полотенцем, но она так и остаётся висеть в воздухе. На пороге ванной стоит Котёнок и с нескрываемым любопытством разглядывает меня, особо долго задерживаясь на моём члене, что тут же реагирует на её интерес, поднимаясь, словно здоровенная башня. Твою же мать... Не знаю почему, не спешу прикрыться. Ладно, чего уж там. Пусть посмотрит. Возбуждает та невинность во взгляде, что скользит по моему паху.

- Только не говори мне, Котёнок, что не знала, чем отличаются девочки от мальчиков, - улыбаюсь ей, а в душе ощущаю себя ебучим педофилом. А с другой стороны, какого такого хрена? Она то уже не ребёнок. Да, безусловно, я намного старше, а она не опытна. Ну так это же не проблема вовсе. Так даже лучше. Только моя.

Она подходит ближе и останавливается в шаге от меня. Не надо, Котёнок... Лучше уйди. Но она протягивает ко мне руку и пальчиками касается головки, что тут же дёргается от её прикосновения.

Хочу чтобы вместо пальцев была её промежность. Разложить на кафеле и засадить ей по самые яйца, чтобы не осталось ни сантиметра. Заполнить её собой и смотреть, как её аккуратный ротик превращается в букву «о» от стонов. Драть малышку, пока не подойдёт оргазм, а затем кончить на её совершенное личико. Пометить её, пропитать своим запахом, заклеить своей спермой навеки вечные.

- Котёнок... - хочу прогнать её, но язык не поворачивается. Чёрт... Угомонись, Кирилл. У тебя ещё будет время. Всё будет! Но не сейчас. Сейчас никак нельзя. - Иди на кухню, включи кнопочку на чайнике. Я сейчас приду. - не узнаю свой голос.

Она пугается моего тона и отступает назад, склонив голову.

- Блять, - еле слышно ругаюсь, обматывая бёдра полотенцем.

И тут Котёнок вытворяет то, что у меня просто не укладывается в голове. Она приседает и целует мне ногу. Какого хера?!

- Что ты творишь? Ну-ка вставай, - тяну её за руку и поднимаю с пола.

Малышка всё так же боязно смотрит вниз, не смея поднять на меня глаза.

– Посмотри на меня, Котёнок, – говорю с ней мягко, но требовательно, чтобы не вздумала ослушаться.

Робко взирает на меня своими чудными глазками, нервно теребя край футболки. Нашкодивший Котёнок.

– Запомни раз и навсегда. Нельзя ходить на четвереньках. Нельзя спать на полу. Нельзя целовать мои ноги. Ты не собака. Ты человек. И больше тебя никто не посмеет унижить. Ты меня поняла? – сжимаю пальцами её подбородок, надеюсь, не очень сильно.

Она еле заметно кивает и кладёт свои ладошки на мою грудь. Туда, где татуировка в виде мишени. Ласкает её пальчиком, а потом удивлённо поднимает на меня взгляд, когда нащупывает шрам.

Не стоит и говорить, что происходит со мной в этот момент. Жар её рук передаётся мне и обжигает всё тело. Хочется... Так сильно хочется почувствовать себя внутри неё. Так, всё! Достаточно!

– Иди, Котёнок, – выдыхаю ей в губы, склонившись и уже почти касаясь их своими. Таких красивых, аккуратных и наверное, очень горячих. Держи себя в руках, Кирилл.

Но она не уходит. Продолжает водить своими пальчиками по моей коже и с интересом поглядывает вниз, туда, где топорщится полотенце...

И я не выдерживаю. Чёртов идиот! Хватаю её за плечи и целую. Остервенело, жёстко, не давая ей вдохнуть. Но она! Блять, она даже не пытается сопротивляться! Лучше бы ударила меня или оттолкнула, но нет! Она просто стоит и ждёт. Ей любопытно.

Огромным усилием воли заставляю себя оторваться от этих мягких губ и отхожу на шаг назад. Впервые в жизни я отказываю себе в сексе.

– Тебе лучше уйти, – повторяю, словно какую-то молитву. И что самое хреновое, я не хочу, чтобы она уходила.

Котёнок обиженно взирает на меня снизу вверх и снова тянет ко мне свою руку.

– Ещё немного и я сделаю с тобой что-то нехорошее, – мой голос, вопреки ожиданиям, звучит вовсе не угрожающе. Скорее, обещающе. И ей интересно. Мелкая совершенно не боится меня. С одной стороны это, конечно, очень даже неплохо, но с другой... Как далеко заведёт её любопытство? Если я не сдержусь сейчас.

Притягиваю её снова к себе и она с характерным шлепком впечатывается в мою грудь. В глазах малышки загораются странные огоньки. Она возбуждена? Жаль, я уже не помню, как это происходит впервые. Но точно знаю, что для меня это будет не так как обычно. Всё по-другому.

– Хочешь, чтобы я продолжил? – какой идиотский вопрос, учитывая то, что она ведь даже не в курсе, чем могут закончиться подобные обнимашки.

Глажу её ровную спинку и склоняюсь к сладким губам.

Она зачарованно кивает, не отрывая взгляда от моего лица.

– Ты не испугаешься? – да я сегодня просто бог интеллектуальной деятельности.

Она отрицательно качает головой и прижимается губами к моему шраму. Жалеет? Определённо. Ведь Котёнок, как никто, знает, что такое боль.

Приподнимаю её личико за подбородок и снова прижимаюсь к ней губами. Она отвечает несмело, робко, неумело... Но с таким жаром и старанием, что невольно улыбаюсь сквозь поцелуй. Пылкий Котёнок. Безумно хочется большего. До боли в паху. До зубовного скрежета. Но я нахожу в себе силы оторваться. Снова.

– Нам пора по магазинам, – хрипло бормочу какую-то хрень, лишь бы она перестала ласкать меня своими пальчиками.

Внезапно мелкая отстраняется и трясёт головой в стороны, словно я попросил её о чём-то сверхневозможном.

А дальше началось то, о чём я должен был догадаться, но не догадался... Она напрочь отказывается выходить на улицу даже с тем условием, что сразу сядет в автомобиль и её никто не увидит.

Её страх настолько силён, что нервная дрожь начинает колотить не только её тело, но и моё.

– Хорошо, Котёнок. Оставайся дома, – успокаиваю, поглаживая её по плечам. – Я сам всё сделаю. Только потом не дуйся, если я притащу тебе одежду на три размера больше, – пытаюсь разрядить обстановку, дабы этот убивающий меня страх в её глазах исчез.

Глава 2

Кристина

Он говорит, что должен уйти, но она не хочет его отпускать... Не хочет чтобы уходил. А вдруг... он бросит её? Уйдёт и не вернётся! Нет, конечно же нет. Ведь это его дом. Но в груди очень больно и слёзы застилают глаза.

Она хватает его за рукав кожаной куртки и тянет на себя. Слабо, но настойчиво.

– Котёнок, ты что бегаешь за мной? Передумала? – он с улыбкой склоняет голову, заглядывая в её глаза.

Он такой красивый. Хочется прижаться к нему, приклеиться... Чтобы никто не смог оторвать. Даже страшный человек...

– Поедешь со мной? – повторяет и наклоняется ещё ниже, прямо к её губам.

Она закрывает глаза и целует его. Он не шевелится и даже не слышно его дыхания. Наверное, она уже надоела ему со своей лаской...

Он взрослый мужчина и у него, скорее всего, есть девушка, которую он любит. А она... Всего лишь головная боль. Котёнок, которого он нашёл на улице и пожалел, а теперь не может выбросить.

- Ну всё. Мне нужно идти... - он отстраняется от неё и просто уходит. В его глазах она видит какую-то грусть. Или это сочувствие?

Дверь за ним закрывается, а она, заплакав, садится на пол, но, вспомнив, что ему это не нравится, вскакивает и идёт к дивану. Нельзя сидеть на полу. Нельзя его расстраивать. Она должна быть послушной.

Время останавливается. Тишина давит на подсознание, а мысли путаются в голове. Девушка сидит на диване, поджав под себя ноги и смотрит в одну точку, ожидая его прихода.

Только бы пришёл! Только бы не забыл о ней!

Вчера он тоже уходил. Она ждала его у входной двери, лёжа на прохладном полу. А потом он пришёл... Слегка покачиваясь, Кирилл присел рядом и сказал, что скучал...

Страшный человек часто выпивал. А когда это случалось, становился очень агрессивным и зверски избивал её. В его глазах полыхал огонь, ярость. Первое время девушка пыталась понять, чем же она его так разгневала, но вскоре перестала. Она поняла - он такой сам по себе. Ему это нравилось...

А в глазах Кирилла не было ярости. Там была радость. Как будто он правда скучал по ней...

От него пахло духами. Ещё в детстве Кристина любила запах духов, которыми обильно поливала себя одна из воспитательниц детдома.

Только вот в этот раз ей не понравился этот запах. От Кирилла пахло женщиной и от этого стало больно. Наверное, он целовал её... Возможно, даже так, как

сегодня её.

Притронулась к своим губам и зажмурилась, вспоминая эти восхитительные, чудесные ощущения. Он так сильно прижимал её к себе, что поначалу стало страшно и захотелось вырваться, но когда она почувствовала, что к её животу прижимается эта штука... Все опасения исчезли, а на их место пришло что-то непонятное... Она никогда не чувствовала ничего подобного. Внизу живота появилась какая-то боль, но она была не такая, как когда тебя бьют. Она была приятная и тягучая, как та конфета, которой он вчера угощал её.

Ей хотелось прижиматься к нему и тереться об эту штуку... Она знала, что у мужчин всё иначе. И даже видела страшного человека без одежды. Но к нему не было такого притяжения. Его «штука» была мерзкой... А у Кирилла она такая красивая и большая...

Девушка сглотнула. Между ног стало влажно и во рту сухо. Жарко. Слишком душно.

Спустя несколько часов послышался звук открываемого замка. Она вскочила и бросилась к двери, улыбаясь и смахивая непрошенные слёзы.

– Ты что у двери мнёшься? Чёрт, надо было тебе хоть телевизор включить, – Кирилл поставил бумажные пакеты на пол и набрал код на мигающем датчике сигнализации. Такой же был у страшного человека. Однажды, именно эта сволочная штуkenция не дала ей сбежать и девушке досталось так, что не могла ходить даже на четвереньках.

– Бери этот маленький пакет и тащи его к дивану, а я возьму остальные.

– Ты великолепна, Котёнок, – он потягивает кофе из большой чашки, наблюдая за тем, как она меряет одежду.

Девушка же, просто в восторге. У неё никогда не было такой одежды. Да что там... Последние годы у неё вообще не было одежды. А тут сразу столько и вся такая красивая, как на тех вырезках из журналов, что она прятала под подушкой в детском доме.

Кристина становится перед зеркалом и замирает. На неё оттуда смотрит совсем другая девушка. Это же не она! Хотя, ещё не до конца сошедшие синяки и ссадины говорят о том, что всё-таки она.

Девушка вздрагивает, когда за спиной будто из-под земли появляется Кирилл. Её иногда пугает его тихая походка, но с каждым днём она всё больше привыкает к нему.

– Сейчас кое-что покажу. Стой и не двигайся.

Он аккуратно, очень нежно собирает её растрепавшиеся волосы в руку и скалывает их заколкой. Затем, подойдя к ней вплотную, смотрит в зеркало, возвышаясь над девушкой, словно большая скала.

– Смотри. Тебе нравится?

Она переводит взгляд с него на себя и замирает. Теперь это точно другая девушка. Красивая и почти-что ухоженная. Чёрное приталенное платье струится шёлком до колен, а волосы так красиво лежат в импровизированной причёске. Теперь её лицо и шея открыты и это, оказывается, ей очень идёт.

– Ты красотка, Котёнок, – подтверждает он её догадки. – А теперь мы закажем много вкусностей и посмотрим какую-нибудь комедию. Согласна?

Конечно же, она согласна! Даже если сейчас он скажет, чтобы она всю ночь простояла на одной ноге, девушка выполнит его приказ. Она сделает всё, что он попросит. Всё!

* * *

Исподтишка Кристина наблюдает за смеющимся мужчиной. Снова хочется его поцеловать... Девушка вздыхает. Столько чувств, столько эмоций. Они словно разрывают её изнутри. Она не знает как себя вести рядом с ним, особенно теперь, когда она уже не собака, а привлекательная девушка в красивом платье.

Должна ли она измениться для него? Определённо... А как себя ведёт та женщина, которой он так сильно пропах вчера? Интересно, есть ли у Котёнка

шанс стать такой же? И что для этого требуется?

Она подползает к нему ближе, испытывая заглядывая в лицо Кирилла. Он обращает внимание на это движение и приподнимает свою руку, приглашая её в объятия.

Не мешкая, Котёнок прижимается к нему и, закрыв глаза, полностью отдаётся этому волшебному ощущению. Вот, значит, как оно... Быть кому-то нужной. Ведь она нужна ему? Иначе, он бы не стал её обнимать. Не стал бы так ласково поглаживать своими пальцами её руку. Ему тоже это нравится...

- Ты хочешь спать? - о, нет! Только не это! Она не хочет снова оставаться одной... Нет.

Отрицательно мотает головой.

- Фильм не нравится? - продолжает допытываться Кирилл.

Она не знает. Ведь она даже не смотрит этот фильм. Для неё сейчас есть более привлекательное зрелище.

- Почему так мало ела? - кивает на её почти нетронутый стейк.

Пожимает плечами.

- Нет, Котёнок, так не пойдёт. Ты должна поужинать, перед тем как лечь спать. Давай. Я жду, - выпускает её из рук и притягивает небольшой столик с едой к дивану.

Не желая расстраивать Кирилла, девушка съедает всё, на что он указывает, а затем, снова подлезает под его руку.

- Не устраивайся здесь. Иди в постель. Нам пора спать, - убивает на корню все её надежды побыть с ним ещё немного.

Она обречённо вздыхает, но поднимается с софы и покорно плетётся в комнату, где ей придётся спать одной... Снова. Внезапно в голову приходит сумасшедшая

мысль и Кристина, тихонько посмеиваясь, «на цыпочках» бежит мимо своей спальни.

Кирилл

Она сводит меня с ума.

Своими неуверенными прикосновениями она поднимает во мне те чувства, что столько лет спали мертвецким сном где-то глубоко внутри. Блять, где я и где чувства! Просто невыносимо прикасаться к ней и знать, что продолжения не будет.

Упорно делаю вид, что смотрю этот грёбанный фильм про «не знаю что». А она и вид не делает. Просто смотрит на меня, не сводя глаз.

Чего ты хочешь от меня, Котёнок? Что мне сделать, чтобы ты наконец перестала так пялиться на меня?

Знаю. Забыться во сне, вот лучший выход на данный момент.

Заставляю мелкую дожевать свой ужин и отправляю в её спальню. До утра я буду спокоен, не опасаясь того, что всё-таки не сдержусь и наброшусь на неё со своим, превратившимся уже в хронический, стояком.

Каково же моё удивление, когда в своей постели я обнаруживаю Котёнка. Ах, ты ж, маленькая зараза! И что мне с тобой делать? Прогнать? Едва ли у меня повернётся на это язык...

– Маленький, непослушный Котёнок, – улыбаюсь, как идиот, хоть и понимаю, что этой ночью мне не уснуть.

Осознав всю тяжесть своей ситуации, стону как раненый зверь и откидываю одеяло. Постараюсь хотя бы... То, что открывается моему взору почти буквально взрывает мой и без того воспалённый яркими картинками мозг.

Твою же мать! Чем она думала, когда легла ко мне в кровать абсолютно голая?! Неужели совсем не осознаёт своей детской соображалкой, что это...

Это край! Финиш!

Я ведь не железный. Хотя раньше почему-то был уверен в обратном.

– Котёнок, у тебя совесть есть? – задаю вполне логичный в этой ситуации вопрос, но мелкая лишь подхватывается, открывая мне обзор на пышные грудки, и непонимающе взирает своими очаровательными глазками.

Ну да, действительно... Она ведь до сих пор, наверное, живёт в полной уверенности, что детишек приносит аист.

Ложусь рядом и, бесцеремонно притягивая к себе, укутываю в одеяло. Как только мелкая превращается в куколку, ошалело выглядывающую из импровизированного кокона, отодвигаюсь подальше, дабы, не приведи Господь, не передумать.

– Нам надо кое-что прояснить, Кристина.

Она напрягается от того, что я впервые назвал её по имени и, похоже, ей это не очень нравится. Я же продолжаю неоспоримым тоном:

– Я тебе привёз много одежды и ты должна её носить. На ночь можно одеть пижаму или хотя бы майку и трусики. Раз уж ты решила спать со мной, – как же сладко это звучит... Прокашливаюсь. – То пожалей меня, пожалуйста, я ведь мужчина, как ты сегодня успела заметить в ванной.

Поворачиваю голову к ней и натываюсь на растерянный взгляд этой маленькой Дюймовочки. Да даже этот мультяшный персонаж знал об отношениях между двумя взрослыми людьми больше, чем Котёнок.

– Так... Похоже, не с того начал. А с чего тогда? – как последний дебил общаюсь сам с собой. Мелкая всё так же наблюдает за моими жалкими попытками прочитать лекцию «зачем нужна одежда».

– Понимаешь, Котёнок, – продолжаю уже ласковее, чтобы не напугать её своим убогим воспитанием. – Мужчина и женщина... Когда они нравятся друг другу, у них появляется желание не только вместе проводить время, но и заниматься сексом. – замечаю, как её дыхание учащается, а глаза начинают поблёскивать неподдельным интересом. – Чёрт! Как же это сложно! – и на хрена я вообще ввязался в это?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/sherr_anastasiya/bezmolvnaya-nich-ya

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)